УДК 94(47).073

Т. В. Андреева

«Восстания могло не быть»

Рецензия на монографию: *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. 399 с.

Две значимые для цивилизационной судьбы России исторические даты — 14 декабря 1825 и 19 февраля 1861 г., с течением времени превратившиеся в исторические символы — отражают важнейшую проблему XIX в. — «власть, общество, реформы». Новая книга С. В. Мироненко, посвященная анализу причин неудач правительственных и общественных реформаторских усилий в царствование Александра I, по сути является новым исследованием природы российского преобразовательного процесса, обусловившей позднее проведение Великих реформ.

Сергей Владимирович Мироненко — крупный специалист по социально-политической истории России первой половины XIX в., монографии которого сегодня являются классическими, базовыми для историков данной эпохи. В них заявлен, концептуально обоснован и источниковедчески проработан подход, ставший доминирующим в современной историографической традиции и заключающийся в том, что преобразовательная политика и реформаторские поиски Александра I рассматриваются как генезис поступательного движения, завершившегося буржуазными преобразованиями 1860–1870-х гг.[1]

Над новой книгой С. В. Мироненко начал работать, желая понять, почему кардинальные реформы, признававшиеся в начале XIX в. столь необходимыми

и неизбежными как верховной властью, инициировавшей преобразовательные проекты, так и передовым дворянством, объединившимся в реформаторское «Тайное общество», «не были осуществлены», оказались отложенными «на несколько десятилетий» (с. 13). В поисках ответа на этот вопрос автор вполне логично построил свое исследование: от анализа процесса воспитания и формирования политического мировоззрения Александра Павловича, его первых реформаторских шагов в начале царствования через изучение феномена тайных политических обществ, параллельных поисков Александром I и идеологами движения декабристов путей мирной эволюции России, толерантного отношения императора к политической конспирации до выявления причин расхождения официальной и декабристской позиций в начале 1820-х гг.

Следуя данному исследовательскому алгоритму, С. В. Мироненко начинает с процесса воспитания Александра Павловича, подчеркивая то влияние, которое оказала на него Екатерина II, намеревавшаяся сделать первого, любимого внука продолжателем ее великих дел и будущим венценосцем. Его главным наставником, сыгравшим, как отмечает историк, «выдающуюся роль в формировании Александра как человека и государственного деятеля» (с. 17), императрица сделала Ф.-С. Лагарпа, воспитывавшего своего питомца в духе гуманистических идей Просвещения, идеалов законной монархии, формировавшего строгие правила и твердый, честный характер достойного правителя. «Общими усилиями», как показал автор, Александр Павлович получил «блестящее образование», а его «оригинальный и острый ум, широкая эрудиция», трудолюбие и административный опыт предопределили успех преобразований государственного управления в начале царствования (с. 17–25).

В контексте проблемы восшествия на престол Александра I С. В. Мироненко затрагивает сложный и до сих пор дискуссионный вопрос об обстоятельствах убийства Павла I и дает свою интерпретацию событий ночи с 11 на 12 марта 1801 г. С его точки зрения, Александр, несомненно, знал о существовании заговора, но на предложение графа Н. П. Панина «для спасения страны» отстранить Павла I от трона «не решился сказать ни да, ни нет», что развязало руки заговорщикам. Однако исследователь не связывает конституционные поиски 1801 г. с обязательствами Александра Павловича перед теми, кто привел его на престол и конкретной реализацией надежд заговорщиков ввести аристократическую конституцию, подчеркивая, что произошел общий «поворот в сторону либерализации внутренней политики» (с. 26–28).

Обусловленный необходимостью установления социальной стабильности в стране, поворот на деле демонстрировал отрицание принципов «произвольного правления» Павла I, отражал приверженность идеалам законной монархии. Александру I и его молодым друзьям, заседавшим в Негласном комитете, было очевидно, что не ограниченное конституционными, т.е. неизменными фундаментальными законами, самодержавие расшатывало устои монархического строя. А организованный под него и в силу этого

неустойчивый, не справлявшийся с управлением огромной страной аппарат власти был ослаблен нарушенной связью между монархом и, прежде всего, дворянством.

В этих условиях основной, которой были бы подчинены административные и социальные преобразования, по мнению С. В. Мироненко, становилась реформа конституционная: «Основой реформ должно было стать определение прав граждан, главным среди которых являлось право на свободу и собственность. Пределы власти императора следовало ограничить законодательно. Новые законы должны были создать в стране такую ситуацию, чтобы их нельзя было менять “по произволу”» (с. 30). Но, поскольку реформаторская политика была лишена четко «выработанной программы реформ», то этот первый приступ к преобразованию всей государственной системы не был завершен, всё ограничилось обсуждением отдельных частных мер. Тот факт, что члены Негласного комитета, вскоре превратившегося в «дискуссионный клуб», так и не смогли ее создать, как считает историк, во многом был обусловлен неопределенностью позиции самого Александра I. И здесь С. В. Мироненко выдвигает очень важный тезис: император, приобретая государственный опыт, всё более ясно осознавал, что кардинальное преобразование страны могло быть осуществлено «только насилием над своей собственной опорой — высшей бюрократией и стоявшей за ней массой бюрократов и помещиков», к которому он «не был готов» (с. 29).

Подчеркну, что одним из аргументов, выдвигавшихся самодержавной властью и ее адептами в XIX — начале XX в. в пользу авторитарной формы правления, был аргумент о преимуществе самодержца перед остальными правителями. Оно состояло не только в свободе от контроля парламента и общественности, но и в опоре на высшую бюрократию в деле строительства «великой Российской державы». Само же сановничество обладало мощными инструментами влияния на власть — монополией на информацию о существующих проблемах, практическим опытом для принятия необходимых решений, специальной компетенцией для претворения их в жизнь. Применительно к эпохе Александра I это находило отражение в том, что, начиная с «Проекта Всемилостивейшей Грамоты, Российскому народу жалуемой» 1801 г., проекты важнейших изменений в статусе высших государственных учреждений и положении помещичьих крестьян проходили апробацию управленческой элиты. Ее представители при обсуждении общегосударственных вопросов, затрагивавших интересы различных институтов и сословий, стремились к сохранению исключительности дворянских привилегий, соблюдению частных и публичных прав дворянства. Так носитель верховной власти, оказавшийся перед необходимостью для развития прогрессивных явлений произвести важные изменения в системе политических, административных, социальных и экономических отношений, становился заложником исполнителей своей воли — верхов бюрократии, выражавших интересы основной массы дворянского сословия.

Наглядным тому выражением явилась сложная судьба «Плана всеобщего государственного образования» 1809 г., «общий замысел» которого заключался в «попытке законодательно определить пределы самодержавной власти», а полное осуществление, как справедливо полагает исследователь, «означало бы, что Россия сделала решительный шаг на пути превращения в конституционную монархию» (с. 33, 36). Важнейшим идеологическим обоснованием «неизбежности перемен» император и исполнитель его реформаторских замыслов М. М. Сперанский определяли «общность исторических судеб России и Европы», единый общеевропейский путь развития. Социально-политическими доказательствами необходимости преобразований для создателей «Плана», как показал С. В. Мироненко, стали внутриполитические дела. Произошли огромные изменения в общественном мнении, для которого были характерны разочарование в позитивной сущности самодержавной власти, «упадок ее авторитета». Остро ощущалась потребность в общем реформировании государственного управления, «невозможность справиться с положением “частными исправлениями”» (с. 34).

Действительно, к 1809 г. единственным осуществленным преобразованием была министерская реформа, которая, однако, не уничтожила до конца принцип коллегиальности и подтвердила приоритет Сената в административной структуре империи. В организации власти не было достигнуто четкого определения сфер компетенции государственных учреждений, а в системе законодательства не создано централизованного и стройного порядка. Это было связано с тем, что отсутствовал орган, объединяющий все части управления и являющийся центром, через который они восходили бы к верховной власти.

Поэтому неудивительно, что «вершиной» новой государственной системы должен был стать преобразованный Государственный совет, являвшийся, как подчеркивает С. В. Мироненко, с одной стороны, «связующим звеном между императором и ветвями власти», а с другой — «как бы палатой лордов, где шло первоначальное обсуждение важнейших государственных дел» (с. 36). И правда: осторожный и осмотрительный Александр I прекрасно осознавал, что в послереволюционных исторических условиях следовало не только реформировать государственное управление, но и приспособить его к новой конституционной политической системе. Это достигалось прежде всего утверждением нового принципа осуществления монархом своих властных полномочий — не через узкий круг доверенных лиц, а посредством учреждений, снимающий с него долю ответственности в решении важнейших внутри- и внешнеполитических дел. Согласно «Плану», Государственный совет получал наивысший административный статус, становясь соединением всех государственных сил и соучастником верховной власти. Совету вменялись две политические функции: по отношению к монарху он рассматривался как высшее законосовещательное учреждение; применительно к Государственной Думе, Сенату и министерствам выступал как координирующий и контролирующий их деятельность высший орган.

Тот факт, что в «Плане» речь шла о сословно-представительном законодательном органе, ограничивающем прерогативы монарха — Государственной Думе и высшем судебном учреждении — выборном Сенате, свидетельствовал, что «вводились уже ставшие привычными на Западе, но принципиально новые для россиян понятия о гражданских и политических правах населения» (с. 35). Под контролем Думы, не обладавшей законодательной инициативой, должна была находиться деятельность назначаемых императором министров. Модернизация министерской системы напрямую связывалась с конституционной реформой и рассматривалась в контексте государственной ответственности глав центральных ведомств перед законом и законодательным органом. В целом же «вся исполнительная часть» полностью принадлежала «власти державной» (с. 36).

Оценивая тезисы и выводы данной части исследования С. В. Мироненко очень высоко, в качестве предположения хочу только добавить: в условиях кризиса феодальных абсолютных монархий, стремясь выйти за пределы «феодального самодержавства»[2], создатели «Плана» в установлении конституционно-представительной монархии дуалистического типа, т.е. с парламентом и сильной властью монарха, видели гарантию стабилизации и механизм укрепления российской государственности. Формирование представлений Александра I и М. М. Сперанского о дуалистической монархии как наиболее адекватной российским условиям происходило путем анализа конституционных актов Старого и Нового Света и выборки из них принципов, необходимых для приспособления к национальной специфике России. В силу этого одной из важнейших задач «Плана» для предотвращения авторитаризации государственной власти становилось создание системы сдержек и противовесов. Поэтому все «государственные сословия» должны были иметь различные источники формирования (выборность или назначение) и разные сроки полномочий; носитель верховной власти, Государственный совет («палата лордов») являлся политическим противовесом Государственной Думе (нижней палате); государственная ответственность министров перед Думой утверждала принцип социального контроля над управлением. Надо думать, это было обусловлено трагическими уроками Французской революции, традициями российских дворцовых переворотов XVIII — начала XIX в., а также стремлением части сановничества к установлению аристократической конституции и превращению Сената или Совета в орган аристократической олигархии.

Особую научную значимость монографии С. В. Мироненко придает то обстоятельство, что автор не только анализирует сущность обширного «Плана» 1809 г, рассматривает реальные преобразования государственного управления 1810–1811 гг. в рамках «общего замысла» проекта, но и стремится выявить причину приостановки реализации его политико-правовой составляющей. Как известно, намеченное на 1 сентября 1810 г. открытие Государственной Думы, которая должна была начать свою работу с принятия «Государственного Уложения», т.е. российской конституции, а затем утверждения нового

выборного статуса Сената, так и не произошло. В этой связи убедительным представляется вывод С. В. Мироненко, что корректировка «Плана» была связана с идеей «постепенного проведения в жизнь задуманных преобразований», несомненно, продиктованной Сперанскому Александром I, который «вновь проявил осторожность и отступил перед сопротивлением влиятельного большинства противников реформ» (с. 37–39). В намеченный срок 1 января 1810 г. только был открыт реформированный Государственный совет, который, однако, не стал «вершиной» административной системы, а получил преимущественно законосовещательные функции. Хочу подчеркнуть, что, как показали дальнейшие события, это была приостановка преобразовательного процесса, а не отказ от него.

Почему же, несмотря на этот второй приступ ко всеобъемлющим государственным преобразованиям, «грандиозные реформаторские замыслы» и заявления императора «о намерениях реформировать Россию», «нужно было учреждать тайное общество?» — задает закономерный вопрос автор (с. 45, 189). Нельзя не согласиться с мнением С. В. Мироненко, что порожденная государственным либерализмом в России, либеральными идеями, национально-освободительными и конституционными движениями в Европе, наполеоновскими войнами, Отечественной войной 1812 г. декабристская конспирация имела идеологические, социально-политические и культурно-исторические детерминантные обоснования. Они представлены в источниках, имеющих различное исследовательское значение — официальных, т.е. следственных показаниях декабристов, и личного происхождения, т.е. мемуарах. В данном контексте весьма нестандартна для отечественного декабристоведения, долгое время опиравшегося только на документы Следственной комиссии и воспоминания декабристов, их оценка С. В. Мироненко. Автор подчеркивает, что «в силу своего происхождения» и следственные показания, и мемуары «весьма субъективны», «лишь комплексное изучение сохранившихся источников может помочь исследователю в его приближении к истине» (с. 46, 47).

В самом деле, из-за отсутствия историко-политических сочинений декабристов, созданных в 1810-х — 1825 гг. и дающих представление об идеологической и культурно-исторической мотивационной основе движения, при ее изучении преобладает мемуаристика. Она демонстрирует, что оформление политической конспирации именно в послевоенное время во многом было определено стремлением поколения победителей, прикоснувшихся к мировой истории и воочию увидевших успехи европейской гражданственности, вырваться из узких рамок существующих сословно-культурных традиций и государственно-политических институтов и включиться в систему нелегальной, теневой сферы жизни. Поиск выхода из «пошлой полковой рутины», «томительного существования», как подчеркивает Сергей Владимирович, находил подпитку в отсутствии у военной молодежи легальной возможности реализовать свою политическую активность (с. 43).

Социально-политические обоснования создания и деятельности «Тайного общества» в большей степени реконструируют следственные показания, немногочисленные письма и записки декабристов, относящиеся ко второй половине александровского царствования, а главное — их письма и записки 1826 г. на имя Николая I. Все эти материалы, отражающие внутриполитический пласт в генезисе декабризма, свидетельствуют о том, что общественно-политическая активность просвещенной элиты армии, нашедшая наиболее яркое воплощение в ее участии в конспирации, была взращена тяжелыми несовершенствами русской жизни. С чувством глубокого уважения к декабристам С. В. Мироненко пишет: «Именно любовь к отечеству, желание преобразовать Россию в соответствии с “духом времени” побуждали молодых патриотов стремиться изменить основы русской жизни» (с. 44).

При этом создатели и идеологи декабристской конспирации видели в европейской модели тайного политического союза не только новый тип публичной жизни, форму выражения общественного мнения, но и важнейший инструмент преобразовательного процесса, который должен был стать помощником верховной власти в ее сложной работе по подготовке к преобразованиям. В данном контексте С. В. Мироненко обратился к типологическому анализу первой декабристской организации — Союза спасения, напрямую связывая тип общества с его целью и способом ее достижения. Поскольку устав Союза не сохранился, то предметом последовательного, детального, компаративистского изучения стали следственные показания, записки и мемуары его основателей — А. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола, С. И. Муравьева-Апостола, П. И. Пестеля, С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина. В результате процесс оформления стратегических приоритетов и тактических установок декабристской конспирации представлен Сергеем Владимировичем как сложное и многоаспектное явление. Ведь создатели союза, имея либерально-просветительское или радикально-просветительское политическое мировоззрение и находясь в различных исторических условиях (на следствии или в Сибири) целью Союза определяли «превращение России в конституционную монархию и освобождение крестьян от ига рабства» мирными средствами (с. 65).

Это было связано не только с их упованиями на реформаторский потенциал верховной власти, но и с представлениями о Союзе спасения и Союзе благоденствия как едином, эволюционирующем «Тайном обществе», на чем акцентирует внимание автор (с. 49–53). Формирование новых принципов организации, превращение Союза спасения в Союз благоденствия, дифференциация целей последнего на ближайшую «явную» (форсированное распространение просвещения) и конечную «сокровенную» (введение конституции эволюционным путем) было детерминировано тактической установкой общества на численное расширение, «завоевание общественного мнения», пропаганду аболиционистских идей (с. 155).

Анализ проблемы революционности в движении декабристов в контексте реконструкции устава Союза спасения и так называемого Московского заговора 1817 г.[3] в монографии также уходит от традиционных в прошлом оценок. С. В. Мироненко убедительно показывает, что идея М. В. Нечкиной о наличии в уставе Союза пункта с насильственным способом введения конституции в момент смены императора на престоле носит голословный характер. Ведь это не подтверждается следственными и мемуарными свидетельствами как большинства создателей, так и рядовых членов общества. И хотя момент перехода власти обсуждался среди декабристов как удобный «для предъявления требования ввести в России конституционное правление», но эти разговоры и «мысли вряд ли принимали на этой ранней стадии вид оформленных программных документов» (с. 60–61). Добавлю, что показания и мемуары отражают процесс поиска не только мирного способа достижения политической цели, но и диалога с властью. Предполагалось, что когда «Тайным обществом» будет проведена просветительская и воспитательная работа по подготовке к предстоящим преобразованиям, «оно будет открыто верховной власти» и «будет просить у правительства его покровительства»[4].

Тот же источниковедческий подход характерен для исследовательской методики автора при изучении вопроса о цареубийственных планах декабристов, также обусловленных поисками путей преобразования России. Тщательный анализ фактического материала приводит историка к заключению, что вызов И. Д. Якушкина на цареубийство не был «сознательным выбором революционного пути. Он еще не был определен». Поэтому мысль об убийстве Александра I, являясь «индивидуальным порывом одного» члена общества, вскоре была отвергнута большинством. В целом С. В. Мироненко приходит к концептуальному выводу, что Союз спасения, как и Союз благоденствия, «никогда не был революционной организацией» (с. 48, 50, 55, 58, 59, 63, 65).

Действительно, замысел убийства Александра I, впервые предложенный М. С. Луниным в 1816 г. и сохранившийся до 1825 г., несколько раз меняя свой антураж и предполагаемых исполнителей, находился в разных культурно-идеологических парадигмах. Однако это решение каждый раз оказывалось не тактической установкой руководства общества, а являлось спонтанной реакцией отдельных членов, основанной на различной комбинации обстоятельств и настроений. Сам же император, с 1818 г. знавший не только о существовании нелегального политического союза, но и его цареубийственных планах, именно с этого времени начал третий приступ к преобразованиям.

Изучение преобразовательных усилий Александра I во второй половине его царствования, анализ причин неудачи правительственных и общественных попыток осуществления кардинальных реформ, проведенные автором в двух основных главах монографии, являются одними из наиболее сильных ее сторон. В главах обе фундаментальные проблемы политической истории России второй половины 1810-х — начала 1820-х гг. — конституции и крепостного

права — рассмотрены в жесткой увязке. Имевшие принципиальное значение как для верховной власти и бюрократии различного уровня, так и для разных слоев дворянства, они лежали в основании реформаторского процесса. Здесь нужно отметить научную новизну книги, заключающуюся в комплексности, т.е. стремлении автора изучить основные аспекты этого процесса — европейскую составляющую российской конституции, стратегию и тактику решения крестьянского вопроса, социально-политические, экономические и культурно-исторические обоснования отступления от проведения реформ. Важным достоинством работы С. В. Мироненко является включение в круг исследовательского внимания наиболее дискуссионных историографических вопросов: о роли польского конституционного опыта в формировании российской конституционной политики; политических целях официальной декларации 1818 г. о распространении конституционного и аболиционистского опыта окраин на всю империю; сущности российской конституции 1818–1820 гг. и «балашовского эксперимента»; принципах правительственной политики в отношении помещичьих крестьян и последствиях «прибалтийского эксперимента»; готовности России первой четверти XIX в. к введению конституции и освобождению помещичьих крестьян.

В результате своих изысканий С. В. Мироненко пришел к основополагающим выводам, которые, безусловно, найдут исследовательское продолжение в современных работах. Во-первых, после наполеоновских войн Александр I вновь вернулся к преобразовательной политике во внутренних делах; речь шла «о коренном переустройстве политического строя страны» (с. 68). Для апробации его теоретической либерально-конституционной модели, основанной на соединении сословно-представительных институтов и сильной монархической власти, т.е. «задуманного императором симбиоза конституции с самодержавной властью», определялось Царство Польское. Именно поэтому, как считает Сергей Владимирович, в 1815 г. была утверждена польская конституция, в создании которой император принимал «столь деятельное участие». Конституционное устройство Польши рассматривалось им как «первый шаг на пути к конституции русской». О своем намерении распространить действие «законно-свободных учреждений» на всю территорию России Александр I говорил в речи на втором Варшавском сейме 15 марта 1818 г., целью которой была демонстрация приверженности носителя верховной власти «конституционному устройству вообще и в России в частности» (с. 69–70, 72–73).

Хочу добавить: вероятно, имелся в виду, как бы мы сейчас сказали, и мониторинг общественного мнения по поводу «грядущей перестройки основ Российского государства». Автор упоминает о различном отношении к речи разных слоев дворянского общества (с. 75–78). Важно, подчеркнуть, что она была воспринята по-разному даже внутри прогрессивного «блока». Просвещенные бюрократы ее оценивали негативно — как программу форсированной и неподготовленной отмены крепостного права. Декабристы речь Александра I

встретили с воодушевлением, поскольку видели в ней индульгенцию своей политической деятельности в рамках «Тайного общества», которая основывалась теперь на «обетах власти».

Во-вторых, по мнению С. В. Мироненко, тот факт, что эксперимент с польской конституцией оказался удачным, обусловил компромиссный характер проекта российской конституции. Работа над ним началась сразу после речи Александра I, т.е. летом 1818 г., первая редакция завершена в октябре 1819 г. Проект, основные идеи которого принадлежали императору и Н. Н. Новосильцеву, представлял собой «типичный образец европейского законотворчества» первой четверти XIX в. (с. 87). Хотя в нем нашли отражение основополагающие принципы западных политических теорий — разделения властей, их независимости друг от друга, равенства всех перед законом и народного представительства, полнота власти, предоставленная императору, делала проект «одним из самых консервативных документов этого времени» (с. 84, 87). Монарх утверждался верховным главой государства, обладавшим в полном объеме исполнительной властью. «Коренное переустройство» только выражалось во введении сословного представительства общероссийского и местного уровня. Предполагалось создание парламента — Государственного сейма, которому вверялась законодательная власть и состоящему из двух палат: верхней — назначаемого Сената и нижней — выборной палаты депутатов. Однако император мог наложить абсолютное вето на любой закон, уже утвержденный Сеймом или распустить его, а также утверждал депутатов общероссийского и местного парламентов (с. 84–86). Вторая редакция конституции в виде документа под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» была представлена императору в мае 1820 г. и также носила консервативный, «патримониальный характер» (с. 94). Реальным воплощением задуманного «симбиоза» стало учреждение 2 марта 1823 г. одного нового генерал-губернаторства во главе с А. Д. Балашовым, которое должно было стать «образцом для остальных» (с. 88).

Присоединяясь к выводам Сергея Владимировича относительно данных сюжетов, замечу, что «Уставная грамота», развивающая основные принципы «Плана» 1809 г., отражала главную идею официальных реформаторских поисков александровского царствования, состоявшую в проведении взаимосвязанных преобразований системного характера. Их стратегической целью являлась конституционная реформа, которой были подчинены перестройка высшего, центрального и местного управлений и увязывание их в единую систему, функционировавшую на всей территории Российской империи.

В-третьих, С. В. Мироненко, стремясь избежать стереотипов как дореволюционной, так и советской историографии, сужавших изучение конституционной реформы только политическими реалиями, обращается к исследованию официальных попыток уничтожить крепостные отношения. И это правильно: уже в начале царствования Александр I, осознавая взаимосвязь конституционной реформы с крепостничеством и полагая, что, вслед за утверждением прав

дворянства, основанных на неизменных, конституционных законах, необходимо предоставить гражданскую и экономическую свободу, гарантировать фундаментальным законодательством право собственности российскому крестьянству, ставит как одну из важнейших проблему крепостничества. Автор не только анализирует ее идеологическую составляющую (угроза крестьянского восстания, экономическая и идеологическая необходимость), но и выявляет «ряд принципиальных вопросов», которые возникали в ходе обсуждения (запрещение продажи крепостных людей без земли; обеспечение права крестьян на движимую и недвижимую собственность; правовая регламентация взаимоотношений помещиков и крестьян) (с. 96–98, 104–105, 175–177). Но главное — он определяет причины отказа от «немедленного и радикального преобразования». С. В. Мироненко уверен, что «принцип постепенности» был связан с «трезвым пониманием неизбежности столкновения с подавляющим большинством дворянства» и «недовольством высших сановников империи», а также с подчиненностью крестьянской реформы «общей политической реформе» (с. 97–100). Отмена крепостного права в прибалтийских губерниях, которая базировалась на инициативе эстляндских, курляндских и лифляндских помещиков, поддержанной Александром I, оценивается историком позитивно — как «принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса». Она открыто продемонстрировала готовность верховной власти «при определенных условиях пойти на конкретные меры для освобождения крепостных крестьян» (с. 102, 103). С точки зрения Сергея Владимировича, в 1818–1819 гг. Александр I предпринял попытку выработать «цельную и всеобъемлющую программу реформы крепостных отношений», о чем свидетельствует корпус записок государственных деятелей, созданных секретным порядком по Высочайшему повелению (с. 105–112).

Хочу только добавить: вероятно, прибалтийское освобождение являлось «экспериментальной лабораторией» для правительственных поисков решения крестьянского вопроса в России в целом. При этом именно деструктивные элементы остзейской модели и отсутствие освободительных устремлений у российского дворянства заставили Александра I инициировать создание преобразовательных проектов в сановной среде, думать о выкупе государством владельческих крестьян с землей, но «с выгодами помещиков». И еще — именно в эту эпоху происходил поворот в правительственной политике в сторону превращения крепостного права по лицу в крепостничество по земле, ставший важным этапом в длительном процессе крестьянской эмансипации.

В-четвертых, в своих поисках социально-политических оснований сохранения в России крепостного права и самодержавия при наличии правительственных и общественных реформаторских устремлений С. В. Мироненко обращает внимание на смену парадигмы во взаимоотношениях власти и общества. Если в начале и середине царствования Александра I для них были характерны параллельные поиски путей мирной эволюции России, находившие отражение в интенсивных и относительно свободных дискуссиях по поводу двух важнейших

политических тем — о конституции и крепостном праве — то со второй половины 1810-х гг. «власть всё более закрывалась от общества» (с. 150). В эти же годы в периодике нарастал поток статей защитников крепостного права, а в 1818 г. открытое обсуждение крестьянского вопроса было резко пресечено. Еще большее раздражение Александра I вызвала инициатива русского дворянства 1820 г. — проект независимого от властей общества помещиков для выработки условий постепенной отмены крепостного права и подписки в пользу освобождения крепостных крестьян. По мнению автора, это было связано как с «единодушной отрицательной реакцией» дворянства на слух о подписке, влиянием на императора идеологов либерального консерватизма во главе с Н. М. Карамзиным, так и его «пониманием невозможности» отмены крепостного права «без насилия над помещиками» (с. 175). Но и конституционный проект, над которым Александр I продолжал работать в начале 1820-х гг., так и не был реализован, «выбор в пользу реакции был сделан, и остановиться было уже невозможно» (с. 187). С. В. Мироненко считает, что прежде всего это обусловливалось изменениями внешнеполитической ситуации, т.е. европейскими революциями, ставшими «катализатором, который с течением времени радикализировал российские тайные общества» (с. 183). Разочарование в возможности легальным путем достичь отмены крепостного права и уничтожить самодержавие толкало радикальное крыло тайного общества «к поискам иных путей», что обусловило разрыв между ним и верховной властью и породило 14 декабря 1825 г. (с. 187–188).

Для Александра I было нехарактерно репрессивное отношение к политической конспирации. На основе тщательного источниковедческого и историографического анализа данной проблемы С. В. Мироненко приходит к обоснованному выводу, что «император решительно не видел необходимости наказывать тех, кто думал с ним одинаково» (с. 149). Действительно, долгое время императора и членов «Тайного общества» объединяли не только борьба за конституцию и уничтожение крепостничества, но и единая система либерально-просветительских идей с ее основополагающим положением о взаимосвязи принципов законности и естественных и неотъемлемых прав человека и гражданина, а также идея доминирования политико-правовой фундаментальной реформы над социальными и административными преобразованиями.

Для современной историографии при общей идее о рубежности Великих реформ, ставших «поворотным событием» в истории дореволюционной России, характерен отказ от грубого и упрощенного разделения, а иногда противопоставления реформаторства первой, второй и третьей четверти XIX в. Особое внимание уделено тому, что запоздалость отмены крепостного права и введения сословно-представительного правления, несовпадение замыслов и результатов коренных реформ во многом обусловливались ходом и особенностями длительного, бюрократически управляемого реформаторского процесса, получившего идейный импульс и практические наработки в первой половине столетия. Поэтому так важны и актуальны сегодня общие выводы новой моногра-

фии С. В. Мироненко, что александровское самодержавие представляло собой феодально-бюрократическую систему государственной власти, непригодную к капитальным преобразованиям, не имевшую ни органа, способного их разработать и реализовать, ни исполнителей. Основной корпус либеральной бюрократии, на которую Александр I мог бы опереться и которая, по мнению автора, «сыграла в России роль отсутствующего третьего сословия», был окончательно сформирован лишь в царствование Александра II (с. 191). Поскольку конституционная и крестьянская реформы в общественном мнении рассматривались как взаимосвязанные — «каждое даже малейшее прикосновение к крепостному праву» виделось как «шаг к конституции и наоборот» (с. 67), то помимо сопротивления большинства консервативного поместного дворянства против них выступала сановная бюрократия, для насилия в отношении которых император не имел социально-политической возможности и не был готов на него (с. 190).

Однако основная причина реформаторских неудач власти и общества, как считает С. В. Мироненко, кроется не в субъективных основаниях, а в объективной «неготовности страны к коренным преобразованиям». По его мнению, вряд ли можно говорить о кризисе крепостнической системы, поскольку не только сохранялась ее жизнеспособность, но и наблюдалась слабость общественных сил, выступавших за буржуазные преобразования, отсутствовала определенно выраженная потребность в использовании свободной рабочей силы. «Россия не Запад, — подчеркивает исследователь. — Здесь еще не созрели условия, чтобы помещики и крестьяне добровольно согласились на изменение хозяйственных отношений» (с. 190). Кроме этого, в борьбу за преобразования был включен только узкий, верхушечный слой дворянского обществ, а сам Александр I не допускал и мысли о включении общественных сил в реформаторский процесс.

В силу этого новаторским и источниковедчески обоснованным представляется концептуальный вывод С. В. Мироненко, что «восстания могло не быть». Автор справедливо указывает, что в отличие от Великой Французской революции оно было основано не на закономерности общественно-политической эволюции российского государства и общества, а на цепи исторических случайностей (с. 366–382).

В заключение хочу сказать, что монографию очень украшают ее приложения в виде републикованных статей автора, давно ставших историографической классикой декабристоведения. В целом новую монографию С. В. Мироненко я оцениваю как высокопрофессиональное академическое исследование, которое представляет исключительный интерес для историков социально-политических отношений первой половины XIX в. и вносит значительный вклад в развитие отечественной историографии дореволюционной России.

[1] *Мироненко С. В.* 1) Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 5–6, 122–145, 207–228, 231–234; 2) Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 3, 72.

[2] *Сперанский М. М.* Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 24, 45, 67.

[3] *Мироненко С. В.* «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 239–250. Переизд.: *Мироненко С. В.* Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М., 2016. С. 337–348.

[4] Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001. С. 96, 101–102; *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 102.

References

Vosstanie dekabristov. T. XX. [The revolt of the Decembrists. Vol. XX. In Russ.]. Moscow, 2001.

MIRONENKO S. V. *"Moskovskii zagovor" 1817 g. i problema formirovaniya dekabristskoi ideologii* ["The Moscow conspiracy" of 1817 and the problem of the formation of the Decembrist ideology. In Russ.] // Revolyutsionery i liberaly Rossii. Moscow, 1990. S. 239–250.

MIRONENKO S. V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v.* [Autocracy and reform. The political struggle in Russia in the early XIX century. In Russ.]. Moscow, 1989.

MIRONENKO S. V. *Stranitsy tainoi istorii samoderzhaviya: Politicheskaya istoriya Rossii pervoi poloviny XIX stoletiya* [Page of the secret history of autocracy: Political history of Russia in the first half of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1990.

SPERANSKII M. M. *Proekty i zapiski* [Projects and notes. In Russ.] / Ed. by S. Valk. Moscow; Leningrad, 1961.

TURGENEV N. I. *Rossiya i russkie*. [Russia and Russians. In Russ.]. Moscow, 2001.

Список литературы

Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001.

Мироненко С. В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 239–250.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.

Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961.

Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001.

T. V. Andreeva. "Uprising could not be". Review of the monograph: *Mironenko S. V.* Alexander I and the Decembrists. Russia in the first quarter of the nineteenth century. The choice of the way. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 399 p.

Андреева Татьяна Васильевна — д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Andreeva Tatiana Vasilievna — Dr. of Sciences (History), St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, major scientist.

E-mail: ta.a.andreeva2014@ya.ru